

Фу Сюеин

аспирант кафедры теоретического
и белорусского литературоведения,
старший преподаватель
кафедры китайской филологии
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Fu Xueying

PhD Student of the Department
of Theoretical and Belarusian
Literary Studies,
Senior Lecturer of the Department
of Chinese Philology
Belarusian State University
Minsk, Belarus
cangjie@mail.ru

**МОДЕЛИ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ЛЕГЕНД БЕЛАРУСИ И КИТАЯ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМОВ**

**MODELS OF TOPONYMIC LEGENDS OF BELARUS AND CHINA
AND NATIONAL BASES OF THE ETYMOLOGY OF TOPONYMS**

В статье представлен сравнительный анализ топонимических легенд Беларуси и Китая, раскрывающий национальные особенности и этимологическую основу нарративов. Базой для анализа послужила разработанная модель классификации топонимов, выделяющая ключевые различия в нарративах белорусской и китайской культур. Результаты исследования демонстрируют национальную специфику фольклорной топонимической прозы в связи с ее типологией.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *фольклорная топонимическая проза; народная этимология; классификация топонимов.*

The article presents a comparative analysis of toponymic legends from Belarus and China, exploring their national characteristics and etymological base of narratives. The analysis employs a developed classification model to identify key differences in the narratives of the two cultures. The findings reveal the national features of the folk toponymic prose in its relation to typology.

K e y w o r d s : *folk toponymic prose; folk etymology; toponym classification.*

В последние годы все с большей настойчивостью проявляется интерес к типологическому изучению фольклора двух исторически и географически удаленных народов – белорусского и китайского. Этому способствовала разработка теории типологического метода и явные успехи типологического изучения их литератур. Наше обращение к типологическим проблемам топонимических легенд обусловлено стремлением к поискам более твердой методологической основы объекта исследования. Необходимость типологического подхода к материалу определилась предметом исследования: национальной основой собственно топонимов. Выяснилось, что она ярко проявляет себя в народно-этимологических истолкованиях, облеченных в национально отмеченные сюжетные ситуации с участием национальных образов и деталей.

Народная этимология отличается от научной своей образностью. При исследовании топонимических легенд она имеет первостепенное значение. Этимологические объяснения являются концентрированным выражением национального мировидения. В таком случае глубинное изучение народной

этимологии топонимов раскрывает особенные страницы коллективной памяти, связанной с художественным освоением пространства. Она пополнялась и копилась местными жителями на протяжении длительного времени, основывалась на уникальной культурной психологии и ценностных ориентациях, а значит, сохраняла яркие особенности региональной культуры. Белорусский исследователь географических названий Г. Я. Рылюк при проведении углубленного анализа топонимов пришел к вполне обоснованному выводу, «что в предании или легенде в виде народной мудрости или в иносказательной форме скрыт истинный смысл названия» [1, с. 109].

Есть еще одна существенная сторона вопроса: репрезентативность выборки материалов, позволяющей избежать аберрации восприятия и ложных выводов. Чем более этнически далекий тип фольклора мы описываем, тем более важен типологический подход к нему, на основе которого далее можно судить об эстетических привычках создателей топонимических легенд. Типологический подход исходит из понимания белорусских и китайских топонимических легенд как структурного единства. В силу этого в качестве единиц анализа случайным образом было выбрано по 30 китайских и белорусских топонимических легенд. Далее последовал сравнительный анализ факторов этимологии топонимов с целью выявления сходства и различия между китайской и белорусской топонимическими культурами. В данном случае теоретической и практической основой анализа послужили работы американских исследователей «Коренные американские топонимы Соединенных Штатов» (“Native American Placenames of the United States”, 2004) Уильяма Брайта и «Мотив-указатель фольклорной литературы» (“Motif-Index of Folk-Literature”, 1955) Стита Томпсона в сочетании с материалами белорусской и китайской фольклористики.

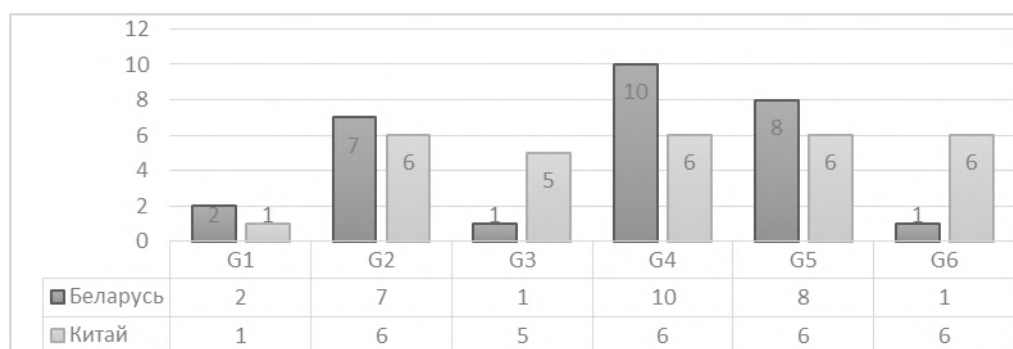
Согласно этимологической классификации У. Брайта и в сочетании с теорией С. Томпсона нами была разработана аналитическая модель классификации народной этимологии топонимических легенд, в рамках которой установлена определенная система кодирования.

Кодирование, базирующееся на факторе этимологической структуры, включает следующие типы, сопровождающиеся ссылкой на фактологическую конкретику произведений (таблица).

Классификация этимологии топонимов

Код	Типы	Объяснение
G1	Природные	Происходит от геоморфологических, гидрологических или экологических особенностей местности
G2	Исторические	В основе исторические события, военные действия, религиозные практики
G3	Политические	Влияние политики и монарших особ
G4	Социально-бытовые	Социальные явления, повседневная жизнь
G5	Сверхъестественные	Сверхъестественные события и превращения
G6	Мифологические	Сотворение мира, святые и небожители

Результаты исследований оказались не только новыми и интересными, но достаточно убедительными и показательными. При единообразном описании легко выделяются инвариантные закономерности. Выяснилось, что белорусская нарративная топонимическая проза гораздо чаще, чем китайская, тяготеет к категориям G4 (социально-бытовые) и G5 (сверхъестественные), тогда как для Китая характерны ярко выраженные черты в аспектах G3 (политические) и G6 (мифологические и космогонические). Результаты количественного подхода отражены на следующем рисунке.

Результаты сравнения этимологических структур ФТП Китая и Беларуси

В целом нетрудно понять, почему в местных топонимических легендах Беларуси повторяются такие образы, как болота, озера, березы, кустовая растительность, охотники, лебеди, лошади, овцы, куры, камни, если исходить из географического ландшафта и природных особенностей страны. Однако имманентное рассмотрение географии, совершенно необходимое при описательно-аналитическом подходе к топонимическим легендам, мало поможет при определении их типологических и этимологических свойств. Лишь при статистическом сопоставлении хронологически и этнически далеких фольклорных явлений резче выделяются их собственно национальные черты. Когда зримо обнажается тот факт, что белорусская топонимическая нарративная проза в статистике склоняется к природным, социально-бытовым и сверхъестественным аспектам, тем самым высвечивается национально-отличительный подход белорусов к этимологической подоплеке топонимов. Заметно, что анимистическое мировосприятие играет в белорусских топонимических легендах существенную роль.

Обратимся к конкретным примерам, чтобы показать важность взвешенного системного подхода к предмету исследования.

Так, например, легенда **Лазовы Куст** [2, с. 298] относится к категории G5 (сверхъестественные). Однако при обстоятельном подходе исследователь может склониться к тому, чтобы увидеть ее в ракурсе G4 (социальные и повседневные). С учетом отношения между человеком и природой становится ясно, что лоза ищет место для выживания. Проблема решается, когда хозяин, следуя совету белого старца (возможно, волшебника), пересаживает лозу к реке, что отражает глубокую связь между природой и человеком, существующую в белорусской ментальности, веру в одушевленность природ-

ных объектов, нуждающихся в помощи и поддержке. Данная легенда является весьма характерным примером гармоничного сосуществования человека и природы в рамках анимистического мировоззрения.

В белорусском фольклоре зафиксированы две легенды, объясняющие происхождение топонимов **Камень**. Они иллюстрируют тему наказания в его сверхъестественных проявлениях. В одной из легенд движимый жадностью человек продолжает работать в священное время, что и приводит к ужасному финалу: превращению его хаты в камень, откуда и пошло название: «Страшная падзея адбылася ў ноч перад вялікаднем... Гэта свята святкаваў кожны, толькі шавец, прагны да багацтва і грошай, шчыра працаваў у гэту ноч. Разгневаўся бог і паслаў вялікую кару на шаўца... Яго хата ператварылася ў невялікі камень» [2, с. 295]. В другом случае сбывается проклятие возницы, ругавшего свою лошадь: «– А, каб ты, воўчы недаедак, у камень ператварыўся! ... няма воза, а замест яго ляжыць шэры велічынёй з воз камень ... ляжыць паміж аглабель цёмна-шэры, такой жа, як у ягонага коніка, масці камень» [2, с. 296]. Мотив наказания за человеческие пороки, такие как жадность и жестокость, весьма характерны для белорусов, полагающих, что люди не должны быть чрезмерно алчными или злыми. Сверхъестественные превращения преподают важный моральный урок: неправильное поведение влечет за собой страшные последствия, а гармония с окружающим миром требует сдержанности и уважения.

В свою очередь, китайская легенда о реке **Лунцзыхэ** (龙子河, Река Драконьего Сына) также основана на мотиве превращения, но связана уже не с простыми людьми, а с высокопоставленными. Она гласит: когда Чжу Юаньчжан (朱元璋), будущий император, в юности плыл на плоту в этих местах, его бамбуковый шест упал в воду. И случилось чудо: вскоре он превратился в огромного дракона. Позже Чжу Юаньчжан становится императором, а сама история, отражающая свойственное китайской культуре поклонение дракону, укрепляет идею императора как «истинного сына неба» (真龙天子). Дракон, символ власти и божественного благословения, в свою очередь, подчеркивает связь между правителем и высшими силами [3, с. 542].

Что касается другого названия – Гуанчжоу (广州) – **Город Коз** (羊城), то в Китае его соотносят с легендой о пяти бессмертных, которые спустились на землю на козлах, чтобы помочь людям добиться богатого урожая. После этого козлы, превратившись в камень, остались на земле. Тем самым они как бы получили бессмертие и статус вечных покровителей крестьянского труда. Данная легенда, отражая стремление людей к счастливой и благополучной жизни, также обращается к глубоко национальным образам, сочетая образы бессмертных и их священных козлов. Надежда на помощь свыше и последующее за этим процветание являются важным элементом китайской культурной традиции [3, с. 251].

В связи с образом священных козлов не можем пройти мимо известного белорусского колядного обряда, связанного с вождением «козы» или, в других случаях, «козла», что нашло отражение в песенном сопровождении древ-

него обряда. Его суть состояла в жертвенном убийстве животного, после чего коза получала способность магически воздействовать на урожайность полей. Заметим разницу в судьбе животных: при сохранении ими продуцирующей функции они относятся к разным культурным сферам: прецедентной (козлы в китайской легенде) и циклической, связанной с природным циклом (коза и козел в белорусской традиции).

С китайским городом **Хэби** (鹤壁, Журавлиная стена) связана очень поэтичная легенда с мотивом вознаграждения за добрые поступки, где главную роль играет чудо – оживший рисунок, причем речь идет о необычной птице, белом журавле. Она гласит, что раньше на этом месте «有家饭店, 营业萧条... .. 一天, 有个道人来到店里, 自言囊中空空, 没钱买饭. 店主人仍热情招待. 第二天清晨, 道人却不辞而别, 在雪白的墙壁上画了个大鹤. 店主大怒, 正要拿锹把白鹤铲掉, 白鹤却翩翩起舞飞了起来. 此事惊动了四邻观看, 天数长了, 饭店也兴隆起来, 形成了集镇.» [3, с. 202] (была харчевня, которая находилась в упадке... Однажды в харчевню пришел бедный даос. Хозяин заведения не отказал гостю в трапезе. Наутро даос ушел, нарисовав на стене журавля. Рассерженный хозяин собирался соскрести со стены рисунок, как вдруг случилось чудо: белый журавль затанцевал и улетел. Происшествие встревожило соседей, наблюдавших за ним. С тех пор харчевня стала процветать, а Хэби стал крупным торговым городом).

В категории G2 (исторические топонимы) доля китайских и белорусских примеров примерно одинакова, но содержание, что и ожидаемо, значительно различается.

В белорусских топонимах **Татарскія курганы**, **Татарскі каўдоб** и **Казацкі гаёк**, как видим, упоминаются народы, не получившие отражения в китайской топонимике. Название **Рубеж** отмечает границу, где происходили сражения, а **Баторова гара** демонстрирует идею «победитель получает все». В то же время топонимы **Бялынічы** и **Асінавы гарадок** используют природные образы для описания таких событий, как бегство или последствия войны.

В китайском топониме **Лайу** (莱芜) отражается боль беженцев, потерявших свою страну после войны. «旧说昔日齐灵公灭莱, 莱人播流此谷, 邑落芜没, 故曰莱芜.» [3, с. 243] (Согласно древней легенде, когда циский князь Лин уничтожил государство Лай, подданные Лай были вынуждены переселиться в эту долину, их поселения пришли в упадок и заросли, поэтому место получило название Лайу). **Цзяньгэ** (剑阁) воплощает вызов и преобразование суровой природы. Поскольку Чжугэ Лян управлял Шу, он столкнулся с опасными горами Большого и Малого Меча (Цзянь). Тогда он приказал вырубить скалы, построить подвесные дорожки и мосты, чтобы странники могли проходить здесь, поэтому место называли Цзяньгэ [3, с. 353].

Сюу (修武, или совершенствование военного искусства) отражает мышления о смысле неудач, с которыми столкнулись во время похода. «武王问姜尚: “车辄为三, 天雨三日不止, 难道是天意不让伐纣吗?” 他解释道: “辄折为三, 是要我们把军队分为三军, 天雨三日不止, 是为我们洗涤兵马。” 于是“修武勒兵于宁, 更名邢丘曰怀宁, 曰修武。” 修武, 意为整顿军队。» [3, с. 200] (Князь спросил мудреца Цзян Шана: «Уздечки порваны на три части, дождь льет три дня, неужели небеса желают императору поражения?» Тот посоветовал правителю: «Раздели войско на три части, подобно разорвавшейся уздечке, а затянувшийся дождь прими как промысел небес, чтобы отмыть коней». Благодаря этому событию деревню переименовали в Сюу, что значит “Усовершенствовать войско”). **Цзюцюань** (酒泉) – это дань памяти разделу плодов победы после войны. **Яньши** (偃师) – это увековечение убеждения, что после войны наступит мир и больше не будет битв.

Многочисленные сравнения данного типа белорусских легенд с китайским материалом позволяют получить определенные наборы характеристик национальной природы топонимов. Мы обнаруживаем, что белорусские топонимы склонны репрезентировать страдания, тогда как китайские топонимы чаще прославляют успехи или победы.

Среди топонимических легенд, относящихся к категории G3 (политические), белорусская нарративная проза представлена в меньшей степени и в основном отражает влияние власти имущих на названия мест. Например, происхождение названия города Лепель связывается с именем Екатерины II. Проезжая по окрестностям, императрица хвалила: «Пышно, пышно!», после чего деревню называли **Пышна**. «А як у Лепель прыехала, а там і возера, яшчэ красівей. Так тады: – А тут і лепей. От і пайшло: **Лепель**» [2, с. 273].

В Китае также есть подобные примеры. Например, в 1959 году, накануне годовщины основания КНР, на месторождении Сунляо из третьей разведочной скважины забила нефть. В честь этого радостного события место было названо **Дацин** (大庆, Великое Празднование). Фактически таких топонимов в Китае очень много. Например, город **Вэньдэн** (文登) получил свое название благодаря легенде о том, как Цинь Шихуан, первый император Китая, во время своего восточного похода собрал ученых мужей на этой горе, чтобы обсудить их заслуги и восхвалить добродетели. Уезд **Линши** (灵石) стал так называться из-за истории, связанной с императором Вэнь-ди (文帝). Во время его путешествия был вырыт канал, и при этом был найден камень, на котором были выгравированы четыре иероглифа: «大道永吉» (Великий путь вечно благоприятен) [3, с. 105]. Легенда о происхождении города **Линбао** (灵宝, Талисман) гласит: «唐玄宗元年,有人对玄宗说,

玄元黄帝 (道家鼻祖李耳) 降临凡间, 人们曾在丹凤门前的通衢上看到他。他告诉人们, 有“灵符在尹喜之故宅”。...唐玄宗立即派人前往发掘, 结果在尹喜台的西边挖到了。唐玄宗说是天降宝符, 于是改年号为天宝, 改桃林县为灵宝县。» [3, с. 208] (В первый год правления императора Тан Сюаньцзуна пришла весть, что Желтый император Сюаньюань (Ли Эр, основатель даосизма) пришел в мир смертных, а люди уже видели его у врат Даньфэна. Он сказал людям, что в поместье Инь Си у заставы Хангу находится талисман. ...Тан Сюаньцзун сразу же отправил туда людей раскопать талисман, и они нашли его. Император посчитал, что этот талисман – сокровище с небес. Так название города поменялось на Тяньбао (Небесное сокровище), а уезда – на Линбао).

Действительно, можно заметить, что белорусские топонимы, связанные с политическими факторами, отличаются простотой и чаще отражают повседневные или исторические аспекты жизни. В то время как китайские топонимы, относящиеся к политике, часто служат для увековечения важных событий или «знамений свыше», что объясняется глубоко укорененными верованиями и традициями.

Категория G4 (социальные и повседневные), подразумевающая социально-бытовой характер, позволяет выявить сходство между белорусскими и китайскими топонимическими легендами. Например, в Беларуси название города **Волковыска** происходит от сочетания имен двух разбойников, что раскрывает бытовой сюжет, связанный с людьми и их деятельностью. Легенда о **Марысином парке** рассказывает о самопожертвовании ради любви, что также выражает человеческие эмоции и отношения.

В Китае название деревни **Цзянфушань** (蒋福山乡) восходит к легенде о семье Цзян, которая готовила тофу (соевый творог) для монахов в храме Ганьцюань. После разрушения храма императором Ли Шиминем семья основала деревню, названную в честь сына Цзян Фу. Другой пример – деревня **Дукан** (杜康村), названная в честь Ду Кана, который прославился изготовлением вина и был удостоен титула «Бог виноделия» правителем династии Чжоу. Эти легенды также связаны с бытом, трудом и человеческими достижениями.

Таким образом, в обеих культурах топонимические легенды социально-бытового характера часто художественно отражают истории, связанные с людьми, их трудом, эмоциями и взаимоотношениями. Это подчеркивает общность в подходе к созданию и передаче тех легенд, в которых важную роль играют человеческие ценности и повседневная жизнь.

Однако мы также обнаруживаем интересный феномен. Топоним **Пажэ-жын** отражает неприятие местными жителями чужаков, чье имущество было сожжено. В случае с деревней **Белакозы** присутствует некоторая ирония:

либо речь идет о том, что встречать высокую гостью верхом на козе слишком бедно и стыдно, либо о том, что разрыв между богатыми и бедными был настолько велик, что это стало поводом для репрезентации в названии. Мы склоняемся ко второму объяснению.

Название **Зашчоб'е** также содержит элемент иронии и насмешки. Согласно легенде, оно происходит из диалога супружеской пары, отражающего проблему домашнего насилия в повседневной жизни. Финальная реплика диалога звучит особенно выразительно: «– За што б'е? – Выпіць не дае» [2, с. 294].

Рассмотрим ряд китайских примеров. Топоним **Иу** (义乌) главным образом относится к G4, однако включает и черты G5. Он происходит из легенды о том, как вороны носили землю в клювах, чтобы помочь сыну похоронить отца, и их клювы повредились от усилий. Название **Цыси** (慈溪) связано с историей о Дун Ане, который в эпоху Восточной Хань носил воду из ручья для пожилой матери. Оба этих примера отражают традиционные китайские семейные ценности, особенно принцип сыновней почтительности, который занимает центральное место в конфуцианской этике. **Бу Тун** (卜通) возник из-за того, что «村庄常遭洪涝之灾, 每年农历五月初五, 村民大闹“龙公”, 占卜来年风水和命运, 祈祷海龙王保佑风调雨顺。» [3, с. 341] (деревня часто страдала от наводнений. Каждый год в пятый день пятого лунного месяца жители устраивали большой шум вокруг «Бога Дракона» и предсказывали фэн-шуй и судьбу наступающего года, а также молились Королю Драконов о хорошей погоде и урожае). Так, этот топоним отражает культуру жертвоприношений и гаданий в традиционных праздниках. Эти примеры очень символичны для китайской культуры. В сравнении с ними можно заметить, что белорусские топонимы чаще описывают повседневную жизнь, не избегая использования иронии для описания социальных явлений. В то же время китайские топонимы несут в себе образовательную функцию и передают традиционные ценности, используя легенды для формирования мировоззрения людей. Они подчеркивают важность почтительного отношения к родителям, уважения к божествам и соблюдения моральных принципов.

В категории мифологических топонимов G6 в Китае имеется множество характерных примеров. Обратимся к легенде о горе **Гуйшань** (龟山) из мифа о борьбе Юя Великого с потопом: «大禹治水到此遇一水怪数载不克。后灵龟自空飞扑, 怪身始降伏, 治水遂得成功, 事后灵龟作为一山, 名为龟山。» [3, с. 526] (Когда Юй прибыл в эти земли, он много лет не мог одолеть водного демона. Но затем с неба спустилась волшебная черепаха, и лишь тогда демон был побежден, а потоп прекратился. После этого черепаха превратилась в гору, которую и называли Гуйшань).

Эта легенда не только передает тотемическое почитание черепахи, но и подчеркивает стойкость и непоколебимую волю перед лицом трудностей, воплощает идею о том, что человек может одолеть небесную стихию. Кроме

того, существует миф о горе **Цзиньцзышань** (巾子山, Гора головного убора): «相传皇华真人升天时巾帨下坠, 化为此山, 故名。」 [3, с. 528] (По легенде, когда бессмертный Хуанхуа-Чжэньжэнь возносился на небо, его головной убор упал на землю и превратился в гору).

Ещё одним примером служит легенда о городе **Лунцзин** (龙井, Колодец Дракона): «相传早年此地缺水, 后来自天上掉下一条龙, 掉落之处出现一眼水井, 井水甘甜, 故名龙井。」 [3, с. 149] (Давным-давно в этих местах не хватало воды. Но однажды с неба спустился дракон, а где он коснулся земли, забил родник с чистой водой. Так появился колодец, давший название городу). Эти легенды ярко отражают влияние древних мифов и традиционных тотемических верований. В них проявляется глубокое почитание китайцами божественных существ, сверхъестественных сил и таких мифических созданий, как драконы и др.

В Беларуси также существуют схожие мифологические топонимические легенды, возникшие в тяжелые периоды засух и поголовной бедности. Например: «Стаў Клікса на камні, пачаў плакаць, уздымаць рукі да неба:

– Дапамажы мне, Божа, высыхае мая палоска! Чым я буду дзяцей карміць?

Злітаваўся Бог. Раптам на тым месцы, дзе стаяў на камнях Клікса, трэснула зямля і з-пад яе пачала біць крынічка» [4].

После этого селяне основали здесь колодец и место получило название **Кліксава студня**. Сказания, объясняющие происхождение родников божественным вмешательством, относятся к мифологическому типу. Однако в отличие от Китая с его разнообразием мифологических топонимов, в белорусской традиции подобные примеры топонимической прозы достаточно редки.

В целом, хотя топонимические легенды как Китая, так и Беларуси отражают народные верования, мировоззрение и эмоции, однако из-за различий в географической среде, историко-культурных традициях и религиозных устоях они сохраняют уникальность при выборе образов, выражении тем и культурных смыслов. Эти различия предоставляют ценные ключи и ракурсы для глубинного изучения духовного мира и культурного наследия народов в разных цивилизационных контекстах.

В ходе исследования также было установлено, что, хотя сравнительный анализ выборки имеет методологические ограничения и не позволяет охватить все разновидности топонимических легенд, однако народно-этимологический подход к анализу топонимических легенд демонстрирует методологический потенциал новой исследовательской парадигмы. Этот метод рассматривает вопрос с культурной и народной позиции, восполняет недостаток традиционных исследований топонимов, которые делают чрезмерный акцент на научный анализ и игнорируют гуманитарные аспекты. Он открывает новые пути для изучения скрытых за топонимами историй и культурного

богатства, углубляя понимание местной культуры и ее эволюции, отражает роль топонимических легенд в сохранении культурного наследия и способствует развитию топонимики в гуманитарном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рылюк, Г. Я.* Истоки географических названий Беларуси (с основами общей топонимики) / Г. Я. Рылюк. – Минск. : Веды, 1997. – 176 с.
2. *Легенды і паданні* / [склад. М. Я. Грынблат і А. І. Гурскі ; рэд. тома А. С. Фядосік]. – Минск. : Навука і тэхніка, 1983. – 544 с. (АН БССР. ІМЭФ. БНТ).
3. *牛汝辰. 中国地名由来词典* / 牛汝辰. – 北京: 中央民族大学出版社, 1999.6. – 552页 = *Ню, Жучень. Этимологический словарь китайских топонимов* / Жучень Ню. – Пекин : Издательство Китайского национального университета, 1999.6 – 552 с.
4. *Мапа беларускіх легенд.* – URL: <https://map.wir.by/legends/klikxa/> (дата звароту: 24.02.2025).

Поступила в редакцию 11.07.2025